АКАДЕМИЯ НАУК СССР ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

НЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

А.П.Окладников

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (О вновь открытых петроглифах Северной Монголии)

Наскальные изображения на территории Монгольской Народной Республики давно уже вызывают интерес исследователей древней культуры Центральной Азии. Интерес этот
понятен. Он объясняется тем, что в них раскрывается богатый и сложный мир прошлого народов этой общирной страни, расположенной на "темени" Азиатского материка, страны, где происходили события, находившие отражение далеко
за ее границами, в том числе и за пределами писаной истории.

В числе источников, позволяющих понять дописьменную историю Центральной Азии, особое и весьма значительное место принадлежит петроглифам. Петроглифы Монголии дают представление прежде всего об эстетическом мире древних обитателей страны степей и гор Центральной Азии, об их духовном мире в мироком смысле этого слова, включая ми-фологию — колыбель искусства, как писал Карл Маркс, представление о человеке и окружающей его вселенной. В них находят определенное отражение и сама природа Центральной Азии, ее животный мир. В образах петроглифов так или иначе отражается материальная культура, хозяйственная жизнь: они сообщают нам ценные данные о жизни первобытных охотников, с одной стороны, скотоводов — с другой. Наконец, петроглифы — своего рода летопись, где можно черпать данные о ходе исторического процесса в целом.

Самые ранние, известные нам в настоящее время петроглифы Монголии, обнаруженные в пещере Хойт-Цэнкер, в
долине Северной Голубой, или Прозрачной, реки, на западе МНР, являются памятником эпохи палеолита и свидетельством того, что вдесь еще в глубинах каменного века возник самостоятельный и своеобразный очаг культуры первобытных охотников на диких быков, таких же диких лошадей

и даже слонов, а также, быть может, страусов. Это был вместе с тем и очаг самобытного художественного твор-чества, если и не прямо одновременный ориньякско-мадленскому очагу Восточной и Западной Европы, искусству художников Ляско и Фон-де Гом, Каповой пещеры на Урале и Шишкинских скал на р. Лене, то, во всяком, случае, созвучный им по мировоззрению и художественной ценности.

Известно и то, что такие памятники древнего искусства Монголии, как изображения змей, диких быков и лошадей на замечательных скалах Тэбчи в районе Хобд-сомона, мо-гут быть датированы неолитической эпохой или самым ранним бронзовым веком.

К эпохе броизы, так же как и за Байкалом в Бурятии, уверенно можно отнести выполненные красной охрой рисунки около столицы Монгольской Народной Республики г. Улан-Батора, на скале в устье пади Их-Тенгерийн Ам, а также и в ряде других мест на севере республики. Это изображения таинственных "оград", сопровождающиеся пятнами—"душами" людей или домашних животных. Они, эти ограды, встречаются вместе с фигурами лошадей, условно трактованными человечками, а также символами солярного культа.

Наконец, общирнейшую серию наскальных изображений представляют выбитые на черной блестящей поверхности базальтовых скал, покрытой коркой "пустынного загара", фигуры солнечных оленей, выполненные в том же своеобразном "скифо-сибирском" стиле, что и олени на широко известных "оленных камиях" Монголии, нашего Забайкалья и Тувы.

За ними в хронологической лестнице петроглифов Северной и Центральной Азии следуют наскальные изображения тюриской эпохи: лощади, всадники, козлы, в том числе козлы геральдические, тамги властителей тюркских племен, которые сохранились до нашего времени на надмогильных памятниках тюркских каганов Монголии.

Известны нам теперь и раннемонгольские наскальные изображения. Таковы, конечно, получившие уже широкую известность в литературе изображения владычицы той же пади Их-Тенгерийн Ам, одетой в характерно монгольский кос-

тюм — дэли, обутой в монгольские сапоги — гутулы. На голове ее изображена бокка, боктаг — высокий головной убор с пером наверху, тот самый, о котором мы имеем представление из средневековых письменных источников XII—XIV вв., а также по портретам знатных монгольских дам ваньской династии².

Монголию можно назвать подлинной сокровищницей памятников наскального искусства, и притом при современном состоянии наших знаний в полном смысле неистощиюй.
В литературе петроглифы Монголии пока нашли лишь отрывочное и неполное освещение. Каждый сезон работ культурно-исторической экспедиции, работы которой ведутся совместными усилиями Академий наук СССР и МНР, приносит новые находки, новые открытия в этой области исторической
науки. На очереди стоит составление карты петроглифов
Монголии, подготовка специальных монографий и в завершение — обобщающей сводки этих памятников.

В этом плане большой интерес представляет возможность выявления особых локальных групп петроглифов, своего рода "провинций" таких памятников, а также более углубленное расчленение их по стилям и сюжетам. Такова одна из вновь обнаруженных нами в 1975 г. на севере МНР групп петроглифов, ранее неизвестная и вместе с тем во многом своеобразная, позволяющая полагать, что речь идет о новом для нас явлении из области древней художественной культуры и истории Центральной Азии.

Летом 1975 г. отряд экспедиции занятый изучением первобытной культуры Центральной Азии и ранее уделявший основное внимание южным районам МНР — Южной и Средней Гоби, а также Восточным и Западным аймакам, направился на север, к озеру Хубсугул, в низовья р. Орхон и в долину р. Тэс, а оттуда по направлению к Великим озерам. В сущности, в отношении памятников первобытного прошлого Монголии эти районы оставались почти настоящей terra incognita, страней в полном смысле слова таинственной и загадочной для археологов. Эти районы вызывали тем больший интерес, что они расположены вблизи хорошо исследованных областей Советского Союза — Восточной Сибири, Тувы и,

следовательно, бассейна Енисея, где на протяжении многих десятилетий, начиная с XУШ в., со времен Г.Ф. Миллера и И.Г.Гмедина, велись самые систематические и широкие по масштабам археологические исследования.

Нас всегда волновали вопросы: как шел исторический процесс к огу от Саян, имели ли место контакты и какие именно, как отражались такие контакты на культуре местных племен и что нового могут дать археологические памятники этих мест для истории Азиатского материка?

И, конечно, самый важный принципиальный вопрос: что было здесь своеобразного, самобытного в культурном твор-честве и историческом процессе? Для ответа на эти вопросы и был получен новый, во многом неожиданный материал, вызваний новые мысли.

Первая группа петроглифов, о которых здесь идет речь, оказалась в живописной горной местности за перевалом к Далгер-Мурену, там, где некогда располагался открытый в 1956 г. монгольскими археологами дворец Мунка-хана и поставленная там памятная стела с древнемонгольской надписью в честь хана. К этому месту нас привлекало известие о том, что именно там находится "Бичиктэ-хада", т.е. скала с писъменами. Скада с таким названием действительно находится на левом берегу р. Дэлгер-Мурен, в 40-50 км выше поседка Мурен. Долина реки здесь широкая, окаймленная с обеих сторон горами. Горы обрываются к реке скалистыми склонами. В долину открываются устьями многочисленные распадки. По берегам хорошо выражены речные террасы, по крайней мере три такие террасы, в том числе высокая третья терраса, где нами были собраны изделия палеолитического облика, преимущественно отщепы из серой изверженной породы. Надписей, однако, мы не нашли. Повидимому, это объясняется тем, что название скалы связапо с наличием неподалеку от нее стелы Мункэ-хана: для всадника-монгола доскакать от дворца до скалы ничего не стоино! Для него это дело обычное.

Араты из окрестностей развалин дворца Мункэ-хана сообщили нам, что на трех изолированных холмах в этих местах имеются и наскальные рисунки, в том числе и "копыта". Это сообщение заставило нас обратить пристальное внимание прежде всего на эти возвышенности, и в том числе на "колотушку" дегендарного героя Сэнгун-Таба, о нодвигах которого рассказывают знатоки прошлого и легенды. Действительно, "колотушкай эта оправдала легенду. Она представляет собой эффектно возвышающийся останец известняка среди низменной, заболоченной и кочковатой равнины левого берега Далгер-Мурена. Скала небольшая по размерам, со всех сторон ограниченная крутими, местами вертикальными склонами. Вершина ее выпуклая, пересеченная неровностями, желобами, свидетельствующими о работе речного потока. Камень на поверхности скали нездреватый, весь в трещинах и морщинах. И трудно было ожидать, что в таких неподходящих с обычной для поиска нетрогишфов точки зрения местах возможно обнаружить что-то интересное (рис. 35).

Тем не менее именно здесь оказалнов неожиданные аржеологические остатки, следы деятельности древих местеров, художников наскального искусства Центральной Азви.
Внимательно присматриваясь к неровной и пероховатей поверхности известняка, не вертикальной, а горизонтальной,
мы увидели явственно выбитые нега убокным ямками и желобками рисунки необычного вида и содержания. Это были те
самые "копыта", о которых рассказывали местные араты,
превосходно знающие каждый бугорок, каждый камень на
своей земле. Это были округлые фигуры с характерным поперечным делением их посредине поперечной полосой и в
самом деле похожие на след коровьего или оменьего колита,
только не конского!

Рядом же с ними оказались выбитые в точно такой же технике "следы" совершенно иного облика; один такой "след" напоминал оттиск человеческой или скорее медве-жьей стопы. Стопа эта мирекая, с характерной выемкой сбоку, с четко выраженными на конце ее пяткой и на другом с пальцами. Неподалеку находились расположенные рядом, менее четко выраженные, но все же бесспорные "оттиски" двух человеческих ног, на этот раз без пальцев (рис. 36).

Создавалось определенное впечатление, что эдесь некогда как бы стоял человек и ступни его ног отпечатамсь

на мягкой тогда поверхности скалы. Именно эту мяжовию явно стремился создать тот, кто трудился на "колотум-ке" Сэмгун-Жаба! Не случайно, должно быть, эта скала и была связана в фольклоре с именем богатыря: кому же другому могли принадлежать отпечатанные в камне следы!

Памятник этот оказался не единственным. Оставив повади Цецеринк-сомон на р. Тас, мы приблизились к нирокой долине этой реки на ее левом берегу, в 10-12 км к западу от сомона, у самой дороги, к выступавней уже издали невысокой скалистой известняковой гряде, такой же, как и в районе дворца Мунка-хана. Сложенная известняками в основании, она прорезана мощной жилой кремиистой породи черного цвета. На сглаженной эрозмей, сравнительно ровной поверхности известняка мы вновь увидели уже знакомые нам знаки: "копыта", антропоморфные фигуры и, что особенно порадовало, фигуру оденя с роскошными ветвистими рогами. При осмотре "расписанного" холма прямо на выходах черной кремнистой породы и у ее подножия оказались также, как и следовало оживать, оббитые человеком камии. Это были грубые нуклеусы, пластинчатые отщепы и одно превосходное по тщательности оббивки скребло палеодитического облика.

Как выяснилось, этот холм не имеет названия. Но несколько восточнее от него находится второй такой же холм, который из-за отсутствия времени для более длительного обследования осмотреть не удалось. Но нужно думать, что там должны быть такие же рисунки. Холм этот носит название Хухдийн-обо. Так обозначен нами был и тот холм, где мы остановились, чтобы зафиксировать обнаруженные наскальные рисунки.

Так же как на "колотушке" Сэнгун-Жаба, рисунки раснолагались на скленах нашего невысокого холма, на слегка наклонных или вертикальных небольших плоскостях известияма. И точно так же они были выбиты в относительно мягком поедреватом камие, и точно так же выглядела поверхность рисунков: не было даже понытки сгладить ее, тем
более зашлировить. И, как на "колотушке", она, не защищенная каришвани, подвергнась длительному выветриванию.

Продолжая осмотр известняковых выходов по направлению с востока на запад, мы увидели затем в 1,5 - 2 км от обнаруженного местонахождения наскальных рисунков еще один. третий пункт с петроглифами такого рода. Здесь они размещались на открытом к северу, относительно пологом, но высоком склоне известняковой возвышенности, где имеются не покрытые растительным покровом голые бугристые поверхности. На одной из них оказались ясно выраженные, довольно крупные фигуры животных, "копыта" и, что вызывает особый интерес, тщательно выполненные "канали" из серии четко обозначенных круглых лунок, примыкающих одна к другой. "Каналы" эти располагались наклонно и напоминали как бы своего рода ручьи, водотоки. При взгляде на них складывалось впечатление, что некогда они могли служить для стека жертвенной крови и вообще для совершения каких-то перемоний, связанных с ритуалами (рис. 37).

Немного далее на запад находится относительно глубокое ущелье с отвесной стеной, ограждающей его с запада. На поверхности этой отвесной известняковой стены снова оказались выбиты древние рисунки такого же рода.

Что же нового дают указанные местонахождения древних наскальных изображений в долинах Дэлгер-Мурена и р. Тэс?

На первый взгляд вновь открытые на севере Монголии петроглифы могут показаться малоинтересными ввиду относительного однообразия сюжетов и примитивности с чисто художественной стороны. Однако лишь на первый взгляд. На самом же деле, если их рассматривать в общей связи со всем известным нам миром наскальных изображений, притом не только в Центральной Азии, но и в более широком, глобальном плане, они выступают как насыщенное содержанием яркое явление в художественной жизни не только Монголии, но и древней Евразии в целом.

Для петроглифов Северной и Центральной Азии определенное значение имеет их связь с природными условиями и, более конкретно, с характером отложений, с камнем, на котором они выполнены, с геологической смтуацией. Так, красные песчаники у Верхней Лены обусловили широкое развитие того искусства, которое можно назвать курыканским или курыканско-тюркским, на верхней Лене - собственно курыканского. На нем можно было легко и свободно производить гравированные, резные и специфические для курыканов вытертые изображения. Сама по себе гладкая поверхность красного песчаника и его относительная мягнкость манили к себе человека, вооруженного простым ножом, обязательным спутником конного скотовода, вомна и охотника. Как только кончается область распространения красных песчаников, исчезают и эти рисунки с характерными для них сюжетами: лошади, конные вомны, сценки из кочевого быта.

Ва Байкалом, на Селенге и вообще в ее бассейне, вплоть до Улан-Батора, характерные красочные рисунки с поградами и летящими хищными птицами обнаруживаются вседу, где имеются живописные останцы выветривания гранита с карнизами и расшелинами, спесебствовавими сехранности изображений. И здесь же рядом с пселенгинскими красочными писаницами можно видеть принципиально отличные от них кяжтинские петроглифы, выбитые по отшлифованной ветрами, выжженной солнцем поверхности базальта, по характерному для него скальному загару.

То же самое о связи с определенными геологическими породами и ландшафтом можно сказать о петроглифах средней Лены, где по берегам рек выступают известняки.

Точно так же и петроглифы Дэлгер-Мурена и р. Тэс привлзаны к определенным породам, к своему ландшафту — к известнякам и невысоким, доступным холмам со свойст-венными им площадками с горизонтальной или выпуклой по-верхностью. На них можно было удобно расположиться, что-бы выбить рисунок. Это первый признак вновь зафиксированных групп наскальных изображений Северной Монголии.

Вторая их особенность - определенный набор изобравительных сюжетов, нехарактерных вообще или в определенном комплексном сочетании для других групп центральноазматских маскальных изображений. Таковы в первую очередь загадочные "копыта", затем "следы" зооморфного или антропоморфного характера, "отпечатки" лап зверей или стопы человекоподобного существа. Необычны, далее, "дороги" из сливающихся лунок и вообще такие лунки, чамечные камии, если лунки не соединяются и не образуют такие желоба, какие мы видели на р. Тэс.

Вообще же набор изобразительных элементов, свжетный их ассортимент, определенным образом повторяется во всех обследованных нами трех пунктах (рис. 38-40).

- 1. "Копыто", похожее на отпечаток копыта оленя или быка, коровы. Это в основе дуга в три четверти круга, разомкнутого внизу. Этот элемент известен в трех вариантах. Первый вариант: дуга не имеет более никаких деталей. Она "пустая". Второй вариант: внутри дуги имеется поперечная полоса, которая делит ее на две равные половины. Полоса эта опускается прередине внутри дуги по направлению к разомкнутой части ее, к "выходу". Третий вариант, самый сложный: "выход" дуги оформлен в виде треугольника, обращенного острием внутрь дуги. Треугольник разделен внутри короткой прямой линией на две равные части.
- 2. "След", напоминающий человеческий, в виде овала, иногда с более или менее вогнутыми сторонами. В нем можно видеть сходство с медвежьей лапой, настолько он бывает широким, "косолапым", как у медведя.
- 3. "След" более широкий, нередко в виде жруга или широкого овада, дополненный на одном конце "пальцами". Этот след удобнее всего назвать не человеческим, а звериным, иначе говоря, лапой, притом не медвежьей, а скорее всего кошачьей, например лапой барса.
- 4. Крест известен нам вдесь в виде равностороннего прямого, а не косого креста.
- 5. Круг, выбитый по контуру. Иногда с точкой-ямкой внутри. И как вариант этого элемента ямка, лунка, как на "чашечных камнях", широко известных в петроглифах Азии и Европы, а также Американского континента.
 - 6. Дуги более или менее изогнутые полосы.
- 7. Антропоморфные фигуры Всегда фронтальные, преимущественно полные, не поясные, в рост, лицом к зрителю. Руки опущены вдоль тела. Ноги слегка согнутые, дугами. Нередко отмечен признак мужского пола, даже гипертрофированный. В одном случае отмечается усложнен-

ный вармант: кроме фаллоса показаны с обеих сторон торчащие вверх и в стороны выступы, похожие на фаллос. Есть как будто также и поясные фрагментарные фигуры антропоморфного характера.

8. Изображения животных. Изображались преимущественно лошади - об этом свидетельствуют длинные хвосты, изредка олени и козлы. Не зарегистрировано ни одного бесспорного быка.

Фигуры животных присутствуют в двух основных вариантах по технике исполнения. Чаще всего встречаются
схематические линейные фигуры, выполненные узкими желобками. Один и тот же непрерывный желобок означает
спину, голову и ноги, а также хвост животного. Изображения эти обычно строго профильные; показаны только две
ноги, обе пары ног не отмечаются, они лишь подразумевавтся. Встречаются, но много реже также и фигуры животных с четырымя ногами. В некоторых случаях на "спине"
животного виден вертикальный выступ без какой-либо дальнейшей детализации. Так показан, нужно думать, всадник прием, широко распространенный, в частности, в многочисленных рисунках на верхней Лене.

Второй вариант представлен, в сущности, одним ярко выраженным образцом. Это довольно крупная фигура оленя — благородного марала с высоким ветвистым рогом в "елочку". Выполнена эта фигура с полной передачей формы тела животного. Туловище оленя дано со слегка вогнутой спиной, округлым крупом. Выделен даже треугольным выступом хвостик, хорошо очерчены ноги, просматривается и подшейная кисть. Одним словом, это пример реалистической трактовки образа животного.

- 9. Соединяющиеся желобком полосы из тщательно выбитых лунок, более или менее глубоких.
- 10. Колесницы. Наиболее цельный и характерный образец колесниц представлен изображением двух обращенных друг к другу спинами и как бы лежащих животных, профильных, не детализованных. Позади них выбиты два круга колеса (без спиц). Колеса соединены короткой полосой — 'осью".

Второй вариант колесници: изображены две пары животных, таких же, какие описаны. В каждой паре между животными, вдоль их спин, находится длинная полоса. Она явственно изображает дышло. Колесница же, как таковая, отсутствует. Она лишь подразумевается, ее можно дополнить воображением.

Смысл рисунка ясен: дво "колесницы" следуют одна за другой, влекомые каждая животным. Композиционно связанные единым изобразительным замыслом, группы фигур не всегда могут быть уверенно выделены.

Однако фигуры такого рода, какие перечислены, находятся в различных сочетаниях. Можно чаще всего видеть на одной площадке, в одной и той же группе изображения "копыт" и антропоморфных или зооморфных сюжется, животных и человечков.

"Копыта" сопровождают также изображения колесниц. Встречаются также группы из двух, трех или более схематических фигур животных.

Примером композиционного сочетания могут служить и "подразумеваемые" колесницы, конкретно пары животных с оглоблями. Обращает внимание довольно частая встреча антропоморфной фигуры и "следа" при ней, притом наибомее близкого именно к человеческому следу. Такое сочетание подчеркивает сюжетное родство целого — человеческого изображения — и части этого целого — стопы, следа.

К числу объединенных определенной общей идеей элементов смысловых композиций изображений на р. Тэс можно отнести группу рисунков, где присутствуют колесница, "след" антропоморфного облика, животные, полоса из соприкасающихся лунок.

Особый интерес представляет еще одна сцена. На ней в окружении "копыт" видна довольно крупная человеческая фигура. У нее хорошо выраженная овальная голова, широко и твердо расстав-кое туловище с покатыми плечами, широко и твердо расстав-ленные ноги. От ноги отходит вперед стреловидный предмет. Он имеет вид длинной полосы, у конца которой виден вертикальный короткий выступ. Человек стоит на горизонталь-

ной полосе, которая заканчивается кругом. Эта фигура создает впечатление, что изображена пахота!

Сцена пахоты (и где - в степях Монголии!) - это кажется на первый взгляд невероятным и невозможным. Но сходство со сценами пахоты, известными в петрогиифах других областей и стран, все же имеется. Во всяком случае, наличие такого уникального рисунка придает особое значение петроглифам Дэлгер-Мурена и долины р. Тэс как источнику по истории культуры Центральной Азии. Мне уже приходилось писать о возможных следах аборигенного земледелия в Монголии, выросшего на почве систематического собирания растительной пиши, как подсобной отрасли хозяйства у древних охотников, а затем и скотоводов⁴. Предположение об использовании для этой цели каменных лемехов вообще встретило серьезные возражения. Однако само по себе существование более совершенных орудий обработки земли, чем палка-копалка с каменным утяжелителем, не исключено и для Центральной Азии. Возможность интерпретации намего рисунка как изображения процесса пахоты в то время, когда здесь появились не только домашние животные, но и колесницы, очень вероятна. Более всего эта сцена напоминает работу по вспашке земли не паутом в собственном смысле слова, а орудием, которое С.А.Семенов называет "Оороздовым орудием - предшественником ранних плуговиб.

Что же касается семантики отмеченных фигур и знаков в целом, то следует начать с загадочных "копыт". Так же как и "следы", они занимают в общей системе элементов, из которых строится вся система, такое же место — крае-угольных камней, — как и "оградки" или жишные парящие птицы селенгинских писаниц, как лось в таежных петрог-лифах Евразии, как солнечный олень скифо-сибирских петрогамифов Монголии, Забайкалья, Тувы. Отними их — и вся система развалится. От нее останется только широкий общий фон, который, как мы увидели, может быть прослежен далеко за пределами той или иной докальной группы наскальных изображений. Тем важное определить истинный характер и смысл этого элемента общего ассортимента срже-

тов дэлгермуренских петроглифов. "Копытами" их называет местное население и делает это совершенно справедливо. Как уже сказано выже, форма их и на самом деле сходна именно с отпечатками копыт непарнокопытных животных, т.е. конкретно лошадей. В пользу такого объяснения и выпуклость одного конца, и выемка на противоположном конце. Тем не менее такое объяснение далеко не исчерпывает всех возможностей трактовки истинного смысла этих рисунков. Обращает внимание уже то обстоятельство, что здесь четко обозначен именно "вход", своего рода влагалище. И есть еще на некоторых "копытах" такая, казалось бы, незначительная, но специфическая поперечная линия, которая делит их пополам. Такая же, но более короткая полоска видна и на одном рисунке. Она делит уже не всю фигуру, а только треугольный "вход" в дугу. Все это, вместе взятое, соответствует анатомии женского производительного органа, органа плодоредия. Не исключено и такое предположение, что короткие вертикальные полоски условно выражают мысль о сочетании мужчины и женщины, т.е. представляют именно мужское начало, производительный акт.

Так становится понятным соседство в петроглифах Дэлгер-Мурена и р. Тэс подобных "копыт" с фаллическими антропоморфными фигурами. Это, очевидно, не простое и не случайное совпадение, а логическая их вааимосвязь, единство основного замысла и целевой направленности в работе древних мастеров.

Мы уже видели, что именно этому знаку, "копыту", принадлежит особенно важная рель в общей системе элементов наших петроглифов. Они являются своего рода, как в музыке, подлинным ключевым знаком, ключом к их идейно-смысловой симфонии, ко всей партитуре. Речь идет, следовательно, не о чем другом, как о широко распространенной и подлинно всеобщей в петроглифах идее плодородия.

Второй важнейший сюжет наших петроглифов - круг, в особенности лунка, чашечное углубление. В религиях древнего Востока, особенно в древней и позднейшей индуистской религии, в семантике культовых изображений древнего Китая такие углубления повсюду связаны с культом илодородия матери-вемли. Это симвоя ее рождающего чрева, материнской утросы, которая дает начало всей жизни.

Круг, как таковой, имеет в семантическом плане и еще один аспект — солярный, связанный с идеей живительной силы солнца? Такое же значение, но в более развернутом виде, усложненном и комплексном, имеет колесница. В образе колесницы и правящего колесницей седока-возничего предстают солнечные боги древних Вед, греческой мифологии, славянского фольклора. И снова эти, уже более значительно усложненные, представления о божестве солнца, связанные с развитой социальной жизнью, с обществом героической эпохи — времени бронзового оружия и первых колесниц, имеют выраженную связь с культом плодородия. На солнечных колесницах мчится именно мужское божество, носитель производительной силы.

Идея плодородия, о которой свидетельствует анализ наскальных изображений в долинах Дэлгер-Мурена и р. Тэс, имела, несомненно, два основных аспекта. У авторов этих петроглифов были две цели: обеспечить магическими обрядами, сопровождавшими изготовление петроглифов, плодородие как людей, так и животных, в первую очередь домашних, но также, поскольку образ благородного оленя свидетельствует об определенном интересе к охотничьему промыслу, и диких.

Остаются два важнейших вопроса, от постановки которых зависит понимание места дэлгермуренских петроглифов в общей схеме периодизации наскальных изображений Монголии, о которой говорилось в начале статьи. Первый такой вопрос об их хронологическом месте в этой общей схеме. Хронология эта определяется наличием, во-первых, колесниц. Как теперь общепризнано, в петроглифах Монголии и соседнего Алтая время колесниц — бронзовый век, скорее всего средняя пора бронзового века, то время, когда, по схеме С.А. Теплоухова, М.П.Грязнова и С.В.Киселева, на Енисее развивалась карасукская культура, в абсолютных датах половина И тысячелетия — первые два-три века I тысячелетия до н.э., во всяком случае не позже 8.

Вместе с тем отличная от традиционной схемы трактовки изображений оленей скифо-сибирской группы с их закинутыми за спину длинными рогами в завитках форма дэлгермуренского оленя свидетельствует, что перед нами более ранний этап стилизации этого важнейшего сюжета. Ему еще далеко до такой рафинированной и манерной стилизации, какую представляют изображения Оленных камней и одновременных им наскальных рисунков. Это еще одно веское свидетельство принадлежности этого оленя ко времени келесниц, т.е. средней — но не поздней — бронзы и тем более не раннего железа.

Второй вопрос — об отношении этой локальной группы к петроглифам не только остальной Монголии, но и более далеких стран.

Аналогии дэлгермуренским петроглифам можно разделить на две группы. Одну из них можно условно обозначить как группу "А". Сюда входят самые общие и наиболее широко распространенные признаки, такие, как обобщенно антропоморфные стилизованные фигуры, включая фаллические изображения. Их в Монголии встречаем от Южной Гоби до рек Юрхон и Тола. Столь же широко распространение таких изображений в Северной Азии — от Якутии до Тувы и Забайкалья.

То же самое можно сказать о стилизованных и соответственно обобщенных, примитивных по трактовке изображениях животных. Они неизменно сопровождают такие же родственные им по духу стилизованные антропоморфные изображения. И те и другие находят соответствия и далеко на западе — в Карелии, на Урале и в Средней Азии. И разумеется, в Западной Европе, даже в Африке и на Африканском континенте.

Но тем важнее поиски специфических элементов, таких, которые будут составлять группу "Б".

Эти элементы должны представлять собой уже не показатели какого-то закономерного, стадиального по характеру этапа эволюции стиля, а следовательно, и худежествениего миропонимания, а нечто принципиально иное. В них следует видеть индикаторы конкретно-исторических связей культурных и в конечном счете этнических контактов между племенами и народами прошлого.

Актуальность такой постановки проблемы определяется уже тем, что новым для исследователей первобытного искусства и культуры древнего населения Центральной Азии на севере Монголии является наличие не только "копыт", но и "следов".

Замечательно, что нигде более в Монголии мы пока еще, кроме долины р. Тэс и Дэлгер-Мурена, этих элементов не видели. Они нехарактерны и для соседней Средней Азии - Тад-жикистана, Узбекистана, Киргизии, хотя там имеется много сходного как в общем, так и в частностях с петроглифами Монголии. Ничего подобного, естественно, нет и в наскальных рисунках всей таежной зоны Евразии- от Якутии до Кольского полуострова. Не вате камням-"следовикам", изображениям сходных человеческих следов в петроглифах Восточной и Западной Европы посвящена общирная, труднообозримая изванках.

Известно, что именно от таких "следсв" получило свое название в народе одно из самых замечательных местонахождений на севере России — Бесовы Следки. Выбитые на скалах аналогичные изображения являются одним из непременных элементов петроглифов Скандинавии: они фигурируют во всех сводках, посвященных таким памятникам 10.

Обращает внимание и то, что эти "следы" обнаруживаются вместе, в одном контексте, с мужским изображением фаллического характера; таков, например, знаменитый фаллический "Бес" тех же Бесовых Следков¹¹.

В большой общий цикл мифологии бронзового века, отраженной образами петроглифов, входит и колесница. В мифах древней Скандинавии колесница сопрягается с Тором (Донаром), фажлическим богом-громовиком, которому в Эдде приписывается роль создателя всего живого на земле, а также и на небе. О нем говорится, что он стоит выше всех асов, что он носит шмя "Тор асов" или "Тор-колесница".

Так получается в петроглифах триада: фаллическое мужское божество, человеческие следы — следы этого божества, колесчица. И все эти три элемента комплексно присутствуют в наимх монгольских петроглифах. Нужно в этой связи учитывать и описанную выше сцену пахоты на Дэлгер-Мурене, которая также может ввести исследователя в круг представлений, свя-

занных с аграрной религией и мифологией той же Скандинавии или Италии, например в изображениях Валь-Камоники. Как известно, там ритуальная пахота - обычный для петроглифов бронзового века сржет. Чтобы полностыю оценить ситуацию, с которой так или иначе связаны были подобные трансконтинентальные совпадения, и понять ее закономерность, следует принять во внимание, что в эпоху бронвы на основе приручения лошади, развития металлургии меди и бронвы развертывается широкая экспансия скотоводческих конных племен, включая передвижения арийских племен. Неизмеримо расширяются по сравнению с предмествующим временем маситабы и глубина влияния межилеменных культурных контактов, если не глобальных, то трансконтинентальных, происходивших вдоль Великого пояса евразийских степей. На этом фоне могли иметь место и такие контакты, в результате которых образы, связанные с магией плодородия, например камни-"следовики", могли распространяться далеко за пределы Италии, Скандинавии и Европейской России.

Таковы вкратце мысли, которые вывывают вковь найденные уникальные петроглифы Северной Монголии в долимах рек Дэлгер-Мурен и Тэс.

Примечания

- I А.П.О кладников, В.Д.Запорожская. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970, с. 231-269.
- 2 А.П.О к я а д н и к о в. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-уул. - Монгольский археологический сборник. М., 1969, с. 68-74.
- В в сестеме экспедициенного отряда 1975 г. были: А.П.Окладмиков, руководитель отряда с советской стороны; Цэвен-Дорж, руководитель работ с монгольской стороны; начальник отряда советской стороны И.В.Асеев, научный сотрудник А.К.Конопацкий, научный сотрудник, фотограф экспедиции В.Мыньимнов, научный сотрудник П.П.Лабецкий, моферы А.Борисов и А.Степанов. С монгольской стороны в работах экспедиции принимал также участие кандидат экономических наук Чумуун-Баатар.

⁴ А.П.О к л а д и и к о в. О начале земпедения за Байкалом и в Монголии. - Древами мир. М., 1962.

- 5 C.A.C е м е н о в. Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 287-240; D.A.K р а с н о в. Древнейшие упряжные пахотные оружия. М., 1975, с. 146-151.
- 6 С.А.С е м е н о в. Происхождение земмеделия, с. 214, пис. 30; D.А.К р а с н о в. Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 158.
- 7 Подробнее о круге и колесе как символах солнца: А.П.О к д а д н и к о в, В.Д.З а п о р о ж с к а я. Петроглифы Забай-калья. Ч.2, с. 139-143 (там же о культе плодородия, с. 93 и сл.).
 - ⁸ П. М. К о ж и м. Гобийская квадрига. CA. 1968, № 3.
- 9 Обвор дитературных сведений о "следовиках": А.А.Ф о р м о в о в. Камень "Щеглец" блив Новгорода и камни "следовики". СЭ. 1965, № 5; о н ж е. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и камению изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969, с. 148-149.
- 10 См., например, превосходную фотографию петроглифа в Фоссуме у Танума (Богуслен, Швеция), помещенную в третьем издании известной монографии Г.Кюна "Петроглифы. Наскальные изображения Европы". На ней изображены надын, животные, воины, божество Тор (Домар) с боевым молотом в руке и пара человеческих следов (Die Felsmilder Europas. Stuttgart - Berlin - Köln - Mains, 1971, Taf. 58). Рисунки датированы Кюном в пределах 1200-750 гг. до н.э.
- 11 См. о Бесовых Следках на острове Шойрукше: В.И.Р а в д о н и к а с. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2. Наскальные изображения Белого моря. 1938. Новая публика— ция: Ю.А.С а в в а т е е в. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1. Петроглифы . Л., 1970, с. 27-46.

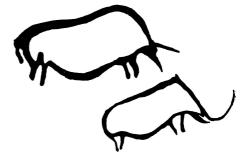

Рис. 34. Аршан-Хад. Прорисовка

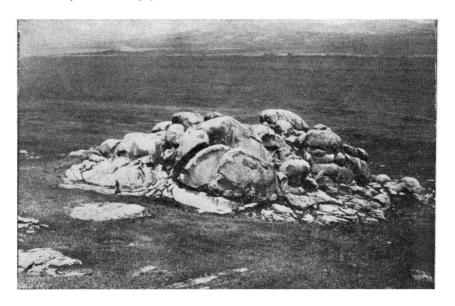

Рис. 35. Скала с петроглифами («колотушка» Сэнгун-Жаба)

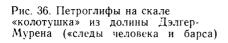

Рис. 37 Петроглифы в долине р. Тэс (прорисовка)

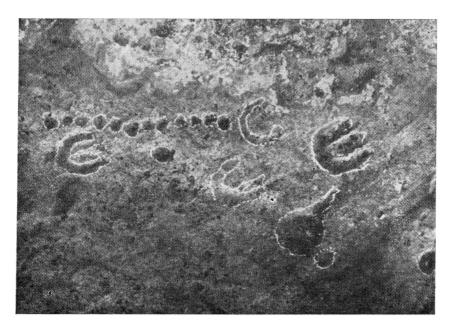

Рис. 38. Петроглифы в долине р. Тэс

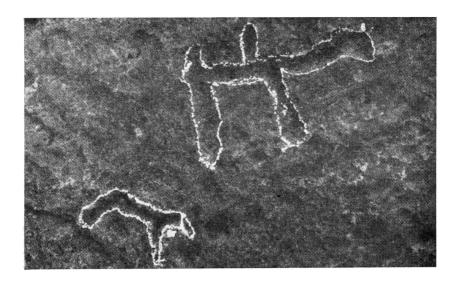

Рис. 39. Петроглифы в долине р. Тэс

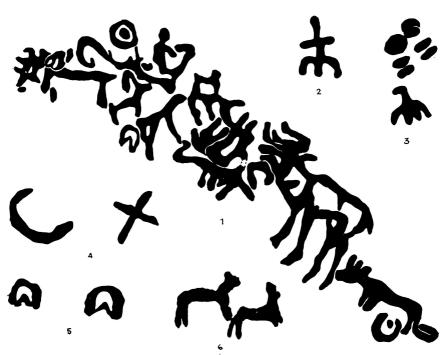

Рис. 40. Петроглифы Хухдийн-обо-2